

## РИСКОГЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРИЧИНЫ, ИСТОЧНИКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т. Д. Ромащенко

В течение последних десяти лет западное и отечественное обществознание будоражит вопрос: становится ли развитие человечества более безопасным или несет в себе катастрофические изменения? Хотя ответа на этот вопрос пока не знает никто, но данная проблема широко обсуждается представителями различных отраслей знания, прежде всего социологами и экономистами.

Особый интерес вызывают у зарубежных специалистов вопросы производства и распространения опасностей, продуцируемых обществом и угрожающих его собственному существованию. Речь идет об угрозах и опасностях как техногенного, так и социогенного, в самом широком смысле слова, характера. Общим стимулом к развитию рискологии, как особой отрасли социального знания, явился переход индустриально развитых стран к новой фазе — позднему индустриализму, а некоторых — к постиндустриализму. Центром в исследованиях западных ученых стали вопросы столкновения общества с последствиями рисков, с которыми оно не может справиться, действуя в соответствии со стандартами индустриального общества. Жить в эпоху «поздней современности, — замечает Э. Гидденс, — значит жить в мире случайности и риска — неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории»<sup>1</sup>.

Действительно современность радикальным образом отличается от тенденций предшествующего развития человечества. Она вносит существенные изменения как в функционирование социально-экономических систем, так и в деятельность людей, которые обретают все большие возможности для воздействия на свою жизнь и ее содержание.

Среди основных черт, характеризующих современность можно назвать не только динамизм, но и рост неопределенности, возникновение случайностей в процессе развития. Данное утверждение на первый взгляд кажется спорным, ибо современный мир — это мир информации и знания. Именно эти ресурсы позволяют субъектам адаптироваться к неопределенности и порождаемым ею рискам, опасностям. Однако по

мере роста материального и нематериального производства, ускорения темпов экономического роста увеличивается вероятность появления новых, непредвиденных, неучтенных человеком рисков. Классики марксизма замечали, что «вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек»<sup>2</sup>. Это приводит к тому, что риски становятся естественным элементом повседневной жизни, ее атрибутивным свойством.

Согласно фундаментальным понятиям теории систем, нарушение порядка, потеря системой устойчивости являются источником экономических рисков, а изменения экономических систем, их эволюция (в особенности революционные сдвиги) суть мощные генераторы рисков и опасностей. В свою очередь риски, порождаемые и накапливаемые в ходе функционирования экономических систем, являются источником, провоцирующим изменения и геоэкономические сдвиги. Из этих рассуждений напрашиваются следующие выводы: во-первых, риск — постоянно действующий фактор бытия, порожденный неопределенностью; во-вторых, риск обладает двойственной природой: с одной стороны — это разрушительная сила, с другой — сила, несущая в себе заряд перемен (изменений), без которых невозможно прогрессивное развитие общества. Следовательно, необходимо различать риск «позитивный» и риск «негативный». Семантика слова «риск» имеет так же двойственное значение. Так, в словаре русского языка риск трактуется и как возможная опасность, и как действие наудачу, в надежде на счастливый исход<sup>3</sup>. Таким образом, риск — это лишь возможная опасность, а также действие с возможным положительным исходом. Следовательно, по нашему мнению, риск следует определять как положительно направленный импульс, в то время как опасность и угрозу — как отрицательно направленные, несущие разрушение. Двойственный характер возникающих импульсов предопределяет необходимость существования в экономической системе механизма отслеживания и селекции рисков, их разделения на созидательные (собственно риски) и разрушительные (опасности и угрозы).

<sup>1</sup> Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. — Cambridge: Polity Press, 1991. — P. 109.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. — С. 128.

<sup>3</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1999. — С. 679.

Учитывая вышеизложенное, нами выдвигается гипотеза о двойственном характере общественного воспроизводства, проявляющемся в том, что:

1. Воспроизводятся не только блага и услуги, среда обитания человека, производительные силы и производственные отношения, но и специфическое свойство национального хозяйства — экономическая безопасность, придающая ей устойчивость, адаптивность, гибкость. Это означает, что в контексте пофазного подхода экономическая безопасность проходит стадии производства (формирования), распределения, обмена и потребления (использования).

Таким образом, воспроизводство экономической безопасности можно представить как систему социально-экономических отношений по поводу формирования, распределения, обмена и потребления специфического свойства национального хозяйства, конституирующего устойчивость, гибкость экономики и ее способность к развитию в условиях внутренних и внешних угроз.

2. Наряду и одновременно с этим национальное хозяйство воспроизводит риски, что обусловлено неопределенностью экономических процессов, неполнотой информации, которой обладают хозяйствующие субъекты. Следовательно, риски тоже воспроизводятся, а значит проходят в своем движении четыре фазы: производство, распределение, обмен и потребление.

Таким образом, общественное воспроизводство может быть представлено как дуальная система, характеризующаяся в категориях «безопасность — рискогенность». «Дуальность структуры, пишет Э. Гидденс, — всегда является главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и в пространстве. Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи. История творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом»<sup>4</sup>.

В свете изложенного, направленность общественного воспроизводства определяется диалектическим соотношением позитивных и негативных тенденций развития. В случае, когда преобладают позитивные тенденции, продуктивность экономики опережает воспроизводство рисков. Негативная направленность отражает обратный процесс. Поскольку рискогенность — такое же имманентное свойство экономики, как и без-

опасность, то справедливо говорить применительно к конкретному этапу развития национального хозяйства о преимущественно безопасном или преимущественно рискогенном характере общественного воспроизводства. Наличие «чистых» типов не более чем абстракция.

Воспроизводство экономической безопасности, по нашему мнению, есть процесс непрерывного позитивного изменения объемов и структуры общественного производства, расширения возможностей экономики удовлетворять меняющиеся общественные потребности в условиях внутренних и внешних угроз.

В нашей стране сформировалась специфическая модель воспроизводства экономической безопасности, уходящая своими корнями в советский период. Длительное пренебрежение двойственным характером общественного производства, его созидательно-разрушительный природой привели к тому, что риски и опасности, долгое время «производимые» экономикой, накапливались в ней, подрывая ныне усилия по реформированию российского общества. Следует подчеркнуть, что накапливались именно опасности и угроза, а риски (как позитивно-направленная сила) не «отбирались» командно-административной системой, поскольку в ней отсутствовал механизм «селекции» рисков. И риски, и опасности изначально считаются в такой системе отрицательным явлением, подлежащим локализации и нейтрализации. А если это так, то командная экономика перестает быть гибкой, способной изменяться и реформироваться, ибо не получает «импульса перемен». Она становится сверхустойчивой, а потому не безопасной, а уязвимой — именно в силу этой неповоротливости, негибкости. Экономическая безопасность характеризуется устойчивостью, но это не статическая, а динамическая устойчивость, способствующая развитию системы на основе самоорганизации и «созидательного разрушения». Этого свойства у командно-административной системы нет и не может быть по определению. Сверхустойчивость, негибкость хозяйственной системы лишили ее возможности воспринимать риски перемен, снизив тем самым уровень экономической безопасности.

Экономическая система всегда обладает некоторым запасом прочности, позволяющим ей аккумулировать сбрасываемые в нее риски, то есть обладает потенциалом безопасности. В советский период (особенно в 30-е годы) потенциал российской экономики был достаточно высок, что находило свое выражение в устойчивом экономическом росте. Однако высокие темпы экономического роста в СССР были связаны не только с исходно низким уровнем производства, но и

<sup>4</sup> Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995. — С. 62.

со сверхцентрализованной системой сосредоточения и использования всех имеющихся ресурсов во имя обеспечения самих этих темпов, поддержания производства ради производства, а не для удовлетворения потребностей людей. Советская экономика характеризовалась наличием таких рисков, как инфляция, безработица, бюджетный дефицит. Но эти экономические «яды» не выявлялись, а загонялись внутрь системы, накапливались там, образуя взрывоопасный потенциал. Кризис и крушение системы произошли позже и приобрели острую форму.

Таким образом, можно утверждать, что в рамках командно-административной системы функционировала модель общественного воспроизводства, нацеленная на экстенсивный экономический рост при полном игнорировании производимых экономических рисков. Опасности и конфликты не получали адекватного отражения и разрешения, способствуя возникновению гигантской асимметрии экономических процессов. Риски не подвергались селекции, эффективному отбору для плавного реформирования системы национальной экономики, в результате чего она была взорвана изнутри и потерпела крушение (катастрофу).

Асимметрия в распределении ресурсов проявлялась, в частности, в том, что мобилизация ресурсов осуществлялась на производство рисков и их накопление, а не на отражение, селекцию и предупреждение. Данная тенденция усугублялась структурной деформацией экономики и воспроизводственными диспропорциями. В итоге уже в 70-е годы в СССР экономический рост практически прекратился. По данным американского исследователя С. Кона, среднегодовые темпы роста факторной производительности в советской экономике в 1961—1965 гг. были равны 0,6 %, в 1966—1970 гг. — 1,8 %, в 1971—1975 гг. — 0,3 %<sup>5</sup>. Предпосылками такой экономической ситуации явились отсутствие внутренних стимулов к НТП и мотивационных механизмов трудовой деятельности. Вместе с тем, несмотря на названные негативные тенденции и импульсы унификации, идущие от партийно-государственного управления и централизованного планирования, уровень развития производительных сил был достаточно высок, а социальная среда имела несколько степеней защиты (общественные фонды потребления, сеть разнообразных общественных организаций и т. п.). Однако по мере дальнейшего функционирования, командная экономика не реагировала на импульсы перемен, в результате чего «выбросы» рисков в экономическую среду росли, а реализовать потенциал безопасности становилось все труднее. В

результате система стала продуцировать риски особого рода — риски неререформируемости, которые она стала испытывать во все возрастающих масштабах. Такая социально-экономическая среда явилась базой для быстрого появления различных рискогенных структур (теневых, криминальных, маргинальных и т. п.).

Таким образом, российская экономика к началу 80-х гг. уже была стратегически небезопасна и рискогенна. Перестройка же и последовавшие за ней реформы либерального толка в действительности не только не обеспечили продуктивность экономики, но и в значительной степени стали источником процесса производства старых и новых опасностей и угроз.

Переходная экономика, как экономика, соединяющая в себе черты командно-административной и рыночной систем, продуцирует возникновение специфических переходных рисков.

Переходное общество — общество, находящееся в состоянии глубокой трансформации, нарушающей сложившиеся относительное равновесие, баланс сил, задающее и во многом противопоставляющее друг другу интересы экономических и социальных субъектов. Его отличает неопределенность и результатов, и механизмов развития. Поскольку неопределенность является средой, источником появления рисков и опасностей, то, следовательно, производство, накопление и потребление рисков идет особенно интенсивно.

Совмещение неопределенности средств, способов и результатов развития создает сильнейшую нестабильность: отсутствуют привычные опоры в экономической жизни, интересы и поведение экономических субъектов носит неустойчивый характер, нет единого представления о ценностях. Рыночная неопределенность дополняется организационной (институциональной) неопределенностью. Повсюду возникают квазиинституциональные структуры (параллельные, неформальные), стремящиеся повысить адаптацию в неопределенной среде и создать среду для принятия риска. Характерным примером такой институционализации является формирование в переходной экономике особого типа собственности — рекомбинированной. Рекомбинированная собственность представляет собой специфический способ страхования от потерь (хеджирования), с помощью которого экономические агенты реагируют на стохастичность среды<sup>6</sup>. Интересно, что переплетение рыночных и нерыночных структур, своеобразная рекомбинация присущих им черт является, очевидно, одной из за-

<sup>5</sup> См.: Кудров В. Выход один: углублять реформы // Вопросы экономики. — 1994. — № 5. — С. 34.

<sup>6</sup> См.: Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточно-европейского капитализма // Вопросы экономики. — 1996. — № 10. — С. 4—24.

кономерностей функционирования переходного общества. Во всяком случае, «в сложных переходных условиях некоторое повышение гетерогенности политической системы, — замечают В. Пантин и В. Лапкин, — более эффективно, нежели построение очередной «чистой модели» с ее неминуемой последующей ломкой»<sup>7</sup>.

По нашему мнению, данное утверждение справедливо и в отношении экономических систем. Изучение типов приватизации и производных от них форм собственности иллюстрируют наличие «перепутанных» форм собственности, создание смешанных конфигураций и реконфигураций институциональных элементов<sup>8</sup>.

Воспроизводственная динамика переходной и постпереходной экономики России с позиции уровня ее безопасности и рискогенности может быть оценена как крайне негативная. Воспроизводство рисков значительно опережает воспроизводство экономической безопасности, «риски выступают в качестве экспроприатора произведенных благ»<sup>9</sup>.

Теоретический и прикладной анализ состояния российской экономики позволяет выделить три сферы, продуцирующие рискогенность. Первая сфера — материально-техническая, являющаяся источником опасностей, вызванных формированием материального производства и угрозами развитию человека и среды его обитания. Господствующие ныне виды промышленных и постиндустриальных технологий порождают угрозы двум фундаментальным основам существования социума — человеку и природе. Данный процесс закономерен, а потому «выгода от технико-экономического прогресса все больше оттесняется на задний план производством рисков»<sup>10</sup>. Это угрозы техногенных катастроф, разрушение биосферы, истощение ресурсов. Однако в России данный процесс принимает катастрофические масштабы. Риск оказаться среди пострадавших или погибших в нашей стране от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера значительно выше, чем в развитых странах. Кроме того, вызывает тревогу неравномерность распределения риска по территории страны. Так, согласно исследованиям Н. Н. Радаева, самый высокий риск смертности от техногенных и природных катастроф в Северо-

Западном районе —  $16,1 \cdot 10^{-6}$  1/(чел.-год), что в 2—3 раза превышает аналогичный показатель в других регионах. Для сравнения отметим, что указанный показатель равен 0 в Хакасии,  $4,4 \cdot 10^{-6}$  — в г. Москве,  $11,5 \cdot 10^{-6}$  в Воронежской области, а в Корякском АО достигает  $115,2 \cdot 10^{-6}$  (!)<sup>11</sup>.

Вторая сфера — социально-экономических отношений, характеризующаяся становлением асоциальной модели развития. Формирование такой модели находит свое выражение в следующих тенденциях:

во-первых, в характере соединения работника со средствами производства господствует система тотального подчинения труда капиталу. Это приводит к тому, что в обществе не формируется в массовых масштабах тип работника, способного к неотчужденному творческому труду. Данный тезис не отрицает, однако, наличия в ограниченных по масштабам процессах становления работников-профессионалов, «золотых и белых воротничков». Вместе с тем налицо тенденция «вымывания» на периферию, в «низы» социально-экономической жизни работников массовых творческих профессий (учителей, воспитателей, деятелей науки и искусства);

во-вторых, в типе воспроизводственного процесса, характеризующегося преимущественно рискогенной направленностью и неравномерными темпами экономического роста конъюнктурного характера;

в-третьих, рискогенен (потенциально и реально) и личный фактор производства в России, что проявляется прежде всего в негативном характере демографических процессов. Кроме того, российские трудовые ресурсы малоподвижны, недостаточно перемещаются в зоны активного развития (тем более что таких зон мало). Иницируется перемещение войнами, конфликтами и значительным ухудшением условий жизни, то есть эти процессы имеют мотивацию, отличную от мотивации мобильности в развитых странах. Консервации такого положения способствуют опасные тенденции в оплате труда, которая перестала выполнять свои воспроизводственные и стимулирующие функции;

в-четвертых, на фоне общей деформации экономической, социальной и институциональной структур активно развивается теневая экономика. Функционируя наравне и параллельно с общественным производством, она активно институционализируется и воспроизводится. Рыночные отношения теневого сектора подпитываются монопольными структурами и неэффективной государственной регламентацией;

<sup>11</sup> См.: Радаев Н. Н. Риски в ЧС природного и техногенного характера // Управление риском. — 2002. — № 2. — С. 26—27.

<sup>7</sup> Пантин В., Лапкин В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Политика. — 2000. — № 2. — С. 18.

<sup>8</sup> См.: Мартэн Д. Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований // Социс. — 2002. — № 8. — С. 57—65.

<sup>9</sup> Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — С. 14.

<sup>10</sup> Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — С. 14.

в-пятых, российская реформация столкнулась и с рискогенностью отношений собственности. Изменения отношений собственности, как и всей системы производственных отношений, требовались объективно, в силу их несоответствия производительным силам. Однако осуществить такое изменение без разрушения производительных сил не удалось. Кроме того, при преобразовании отношений собственности реализовались прежде всего интересы властно-бюрократических структур, что вызвало к жизни возникновение целой системы конфликтов, забастовок, демонстраций.

Третья сфера — организационно-экономических отношений, характеризующаяся неадекватностью механизмов регулирования общественного воспроизводства, слабой институционализацией процессов обеспечения экономической безопасности, асимметричностью применяемых рычагов и средств воздействия на возникающие угрозы.

Интенсивный процесс возникновения и накопления рисков во всех сферах жизнедеятельности нашего общества способствует формированию в России специфической модели национального хозяйства, основными чертами которой являются:

1. Отсутствие единого механизма селекции, распределения и нейтрализации рисков, встроенного в экономическую систему: рыночный механизм селекции функционирует пока неэффективно, а государство, как субъект макроэкономического регулирования не осознало необходимость использования всего арсенала методов и инструментов для перевода «стрелки» общественного воспроизводства в режим безопасного функционирования. До сих пор производство рисков и производство благ институционально разъединены, в то время как необходим единый

механизм воспроизводства экономической безопасности, поскольку двуедин процесс воспроизводства в системе «безопасность — рискогенность».

2. Непонимание всей вертикали власти важности постоянного анализа состояния баланса «безопасность — рискогенность», отслеживания индикаторов экономической безопасности и их сопоставления с пороговыми значениями.

3. Формирование механизма отрицательной селекции, основанного на противоречии между экономической целесообразностью и социальной приемлемостью. Усиливающаяся маргинализация населения, расслоение общества, стремление защитить себя от рисков любой ценой (в том числе нелегитимным способом) ведет к дальнейшему повышению рискогенности социума, так как концентрирует в нем слабую, физически и социально истощенную часть населения России.

4. Низкая адаптационность экономики, предопределяющая ее неспособность к блокированию негативных влияний и перегрузок и снижающая защитные свойства экономической системы.

Очерченный круг проблем является свидетельством развития негативных тенденций в постпереходной экономике России, имеющих преимущественно рискогенный характер и способствующих тому, что среда жизнеобеспечения трансформируется в среду жизнеразрушения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что наряду и одновременно с угрозами и опасностями в экономике существуют потенциальные возможности их преодоления, а также силы и факторы, способствующие превращению этой потенции в реальность: величина и состав национального богатства, разнообразные и достаточные природные ресурсы, высокая конкурентоспособность систем образования и фундаментальных научных исследований.